

БОРЬБА ЗА КАРЛА ШМИТТА.

О рецепции и актуальности понятия политического¹

А.В. Михайловский

1.

Немецкий теоретик права Карл Шмитт (1888–1985) – один из крупнейших консервативных умов прошлого столетия, чьи идеи не только не потеряли своей актуальности, но наоборот, вызывают все больший интерес у тех, кто пытается осмыслить политическую ситуацию современности.

Причиной тому, прежде всего, сам характер этой подлинно консервативной мысли, которая стремится не столько удержать и сохранить отживающие формы, сколько, по удачному выражению Эрнста Юнгера, «найти и вернуть то, что всегда лежало и будет лежать в основе всякого жизнеспособного порядка»². Но «консервативный мыслитель» в Германии XX века означает не просто принадлежность к определенному мировоззрению; для большинства тех, к кому применимо это имя, оно стало судьбой. В 1920-е годы – отстаивание консервативно-революционных позиций, после 1933 года – временное сближение или размежевание с национал-социалистами, после 1945 года – неприятие демократизации и американизации немецкого общества и продолжение борьбы за «другую Германию» и «другую Европу» в пространстве «эзотерической коммуникации»³. Уход во «внутреннюю эмиграцию» для многих правых интеллектуалов на поверку оказался эффективным способом возвращения в публичную сферу Федеративной Республики, однако на таком духовно-историческом фоне статус «классика» – а именно в этом качестве сегодня издают и читают Карла Шмитта, Мартина Хайдеггера или Эрнста Юнгера – до сих пор воспринимается не иначе как «спорный», *umstritten*.

К. Шмитт – не только влиятельный мыслитель, но и плодовитый автор. Он писал почти 70 лет – начиная с 1910-х гг. и до конца 1970-х гг. Созданные в годы Веймарской республики работы «Политический романтизм» (1919), «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923), «Понятие политического» (1927), «Учение о конституции» (1928) принесли ему славу одного из ведущих немецких теоретиков государственного права. Он был централь-

¹ Статья подготовлена при поддержке ГУ-ВШЭ, индивидуальный исследовательский проект №07-01-133 «Наследие Карла Шмитта и его актуальность для современной политической мысли».

² Юнгер Э. Ривароль. СПб., 2008. С. 146.

³ См. об этом: Михайловский А.В. «Внутренняя эмиграция» немецких консерваторов // Космополис № 3 (13), осень 2005. С.117–130.

ной фигурой в германской «борьбе против Веймара и Версаля» и играл важную роль в попытках консервативных революционеров превратить Веймарскую республику в авторитарное государство с сильной президентской властью. В 1933 г. он поддержал национал-социалистов и получил профессию в Университете Фридриха Вильгельма в Берлине, фактически став придворным юристом Третьего рейха. В 1934 г. Шмитт выпустил брошюру под названием «Фюрер защищает право», где юридически обосновывал политические убийства «Ночи длинных ножей». Но уже в 1936 г. он подвергся нападкам со стороны СС в связи с католицизмом и сотрудничеством с еврейскими учеными. В 1939 г., отойдя от внутригерманских проблем, Шмитт выступил с докладом в Кильском институте политики и международного права «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил», где сформулировал международно-правовую доктрину «больших пространств» (Großräume). Из-за нее американские власти даже хотели привлечь его к Нюрнбергскому трибуналу, увидев в ней теоретическое оправдание гитлеровской политики по завоеванию Востока.

В 1947 г. Шмитт вернулся из заключения в родной провинциальный городок Плеттенберг (Вестфалия), но его академической карьере пришел конец. Более того, в глазах оккупационных властей падение Шмитта было даже более страшным, чем падение Готфрида Бенна или Мартина Хайдеггера. И тем не менее, «Гоббс XX века» (выражение Г. Машке) оказал очень глубокое влияние на послевоенную политическую мысль. Уйдя во «внутреннюю эмиграцию», он одновременно присутствовал и отсутствовал в интеллектуальной жизни Германии, являлся предметом оживленных дебатов. В своих книгах, статьях и выступлениях он продолжал комментировать текущие события политической жизни, осмыслял роль партизана в эпоху «холодной войны» и неизменно притягивал к себе молодых интеллектуалов, которых не устраивали свежемпортные англо-американские доктрины либеральной демократии и которым не хватало глубокого осмысления истинной природы политического. Даже крайне левые признавали, что после войны право-консервативные мыслители ставили более актуальные вопросы. До сих пор шмиттианские аргументы с одинаковым успехом используются как правыми, так и левыми политическими мыслителями и теоретиками государственного права в Европе и за ее пределами.

2.

К. Шмитт был собеседником А. Кожева и Р. Арона, с ним негласно полемизировала Х. Арентс в своей книге о революции. В глазах многих германских либералов после 1945 года он был предтечей нацизма, «коронным юристом Третьего рейха» и главным интеллек-

туальным оппонентом, и в то же время его конституционная теория послужила отправной точкой создателям Федерального конституционного суда. Латино-американские юристы использовали ее для оправдания военных переворотов посредством объявления «чрезвычайного положения» ввиду предполагаемой революционной угрозы, а в Испании и Португалии его идеи нашли поддержку у правоведов, обосновывавших режимы Франко и Салазара. Лидеры студенческого движения 1968 года читали Шмитта, чтобы укрепиться в своей ненависти к либеральному парламентаризму, а противостоявшие им консерваторы вроде Эрнста Вольфганга Бёкенфёрде были готовы использовать легальные инструменты, предложенные Шмиттом для создания сильного государства в 20–30-е годы.

Как видно уже в первом приближении, рецепция идей Шмитта имеет, во-первых, *очень длительную историю*, а во-вторых, *чрезвычайно широкий и противоречивый характер*⁴. Идеологические противники считают его «мифологом» (К. Ленк), клеймят как «противника пацифизма» (Ю. Хабермас) и единогласно называют историю его влияния «злоvesцей». Другие авторы, наоборот, стремятся дезавуировать Шмитта как политического философа, акцентируя религиозный, теологический момент в его мысли. Такая же деполитизация теоретика политического кроется и в попытках представить его как простого «критика культуры», «философа истории», «эстетика», «литератора», «метаполитика», «католического интеллектуала».

Известно высказывание Шмитта, что каждая фраза содержит в себе ответ, каждый ответ отвечает на вопрос, а каждый вопрос вырастает из какой-то ситуации. Большинство его книг и статей – это работы по анализу проблем государственного и международного права. Однако все они устроены так, что представляют собой *политический ответ на вызовы времени*. Поэтому *Шмитт является политическим философом, даже когда формально остается правоведом*. Так, знаменитая концепция «политического» как различения «друг–враг», о которой пойдет речь в этой статье, возникла в ситуации Европы и Германии 1920–30-х гг., когда по «Рейнскому соглашению» 1/4 часть германской территории с важнейшим экономическим и геостратегическим значением была оккупирована 100.000 солдат союзных войск, которые должны были следить за процессом демилитаризации Германии – одним словом, когда нависла угроза отделения Рейнланда от Рейха. В этом смысле первое издание «Понятия политического» (1927) можно прочитывать как идеологию сопротивления мирным и человеколюбивым лозунгам Лиги наций.

⁴ Три наиболее показательные работы, где в историко-критическом ключе рассматривается история воздействия идей Шмитта после Второй мировой войны: *Dirk van Laak*. Gespräche in der Sicherheit des Schweigens: Carl Schmitt in der Geistesgeschichte der frühen Bundesrepublik. Berlin: Akademie-Verlag, 1993; *Müller Jan-Werner*. Carl Schmitt in Post-War European Thought. Yale University Press, 2003; *Monod Jean-Claude*. Penser l'ennemi, affronter l'exception, réflexions critiques sur l'actualité de Carl Schmitt, Paris, éd. La Découverte, coll. armillaire, 2007.

Однако было бы неправильно ограничивать значимость государственно-правовой теории Шмитта теми историческими условиями, в которых она возникла. Реконструировать исторический контекст мысли автора и понять причины, почему эта мысль снова оказывается актуальной в иной конфигурации – разные, хотя и связанные друг с другом задачи. В этой статье мне хотелось бы высказать несколько соображений об истории, актуальности и рецепции основополагающей теории Шмитта, а также очертить нынешнюю конфигурацию политического, в которой снова разгорается борьба за Карла Шмитта между политическими теоретиками, стоящими на противоположных идеологических позициях.

Эта задача связана главным образом с рассмотрением истории воздействия идей Шмитта, а не с анализом собственно научной рецепции его наследия, т.е. медленного академического освоения трудов и фактов его биографии, сконцентрированного на исторической интерпретации. Сейчас литература о Шмитте – и так уже необъятная – получила новый импульс к разрастанию после переиздания всех его сочинений⁵, публикации ранних дневников⁶, переписки⁷ и выхода последнего тома «Шмиттианы» Пьета Томмисена⁸. В 2007 г. в Плеттенберге было основано Общество Карла Шмитта. Очевидно, не за горами и появление новых интеллектуальных биографий (как это уже произошло в случае с Э. Юнгером), ведь наиболее авторитетное на данный момент биографическое исследование Пауля Ноака⁹ увидело свет через два года после публикации во многом скандального «Глоссария». Наиболее цельной реконструкцией учения «политического теолога» Шмитта пока остается работа проф. Хайнриха Майера из Фонда Сименса, в которой политической теологии жестко противопоставляется собственно политическая философия¹⁰.

Своим чередом – через традиционную форму комментированных переводов – идет научное освоение К. Шмитта и в России, важная роль в котором принадлежит московскому социологу проф. А.Ф. Филиппову. Послесловие к переводу «Политической теологии» предлагает детальную и взвешенную реконструкцию творческого развития Шмитта, представляя его как эзотеричного мыслителя и предостерегая читателей от соблазна актуали-

⁵ В том числе малоизвестных статей на темы международного права 1924-1978-х гг.: *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus?* Hrsg. v. G. Maschke. Berlin: Duncker & Humblot, 2005.

⁶ См.: *Schmitt C. Die Militärzeit 1915 bis 1919. Aufsätze und Materialien.* Hg. v. G. Giesler. Berlin: Akademie Verlag, 2005.

⁷ См.: *Jünger E., Schmitt C. Briefwechsel (1930–1983).* Hg. v. H. Kiesel. Stuttgart: Klett-Cotta, 1999; *Forsthoff E., Schmitt C. Briefwechsel (1926–1974).* Hg. v. D. Mussgnug, R. Mussgnug u. A. Reinthal. Berlin: Akademie-Verlag, 2007; *Blumenberg H., Schmitt C. Briefwechsel (1971–1978).* Hg. von A. Schmitz und M. Lepper. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2007; *Schmitt C., Feuchtwanger Ludwig. Briefwechsel (1918–1935).* Hg. v. Rolf Riess. Berlin: Duncker & Humblot, 2007.

⁸ *Schmittiana. Beiträge zu Leben und Werk Carl Schmitts.* Hg. v. P. Tommissen. Bd. VIII. Berlin: Duncker & Humblot, 2003.

⁹ *Noak P. Carl Schmitt: eine Biographie.* Frankfurt a.M., Berlin, 1993.

¹⁰ *Meier H. Die Lehre Carl Schmitts. Vier Kapitel zur Unterscheidung Politischer Theologie und Politischer Philosophie.* 2. Aufl. Stuttgart–Weimar: J. B. Metzler, 2004.

зации его рассуждений о тотальном государстве применительно к текущей политической жизни¹¹. Вместе с тем глубокая дискуссия со Шмиттом о технике диктатуры и нейтральности бюрократии, развернутая проф. Филипповым в предисловии к переводу «Левиафана в учении Томаса Гоббса» и послесловии к переводу «Диктатуры»¹², намекает на то, что современный социолог или политический философ может надеяться найти у немецкого автора ключ к пониманию тенденций современного российского государства. Однако установление некоего «избирательного сродства» между теориями Шмитта и современной действительностью уже побуждает задать вопрос: если автор готов делать отсюда выводы об устройстве нынешней российской власти¹³, не оказывается ли здесь под угрозой классический принцип о превосходстве *vita contemplativa* над *vita activa*?

Как представляется, для описания широкой рецепции идеи политического в левых и правых интеллектуальных кругах лучше всего подходит принцип аппликативности понимания, разработанный в философской герменевтике Х.-Г. Гадамера¹⁴. Под аппликацией следует разуметь приложение, применение смыслов текста к ситуации, в которой находится интерпретатор (замечу: не только политический теоретик, но и исследователь). С одной стороны, конечно, есть риск принести в жертву научность интерпретации, лишит предмет истолкования его автономного «самобытия», но с другой, открывается возможность сохранить живой континуум смысла и открыть практическую значимость классической мысли для современной ситуации. В случае со Шмиттом такая актуализация проходит под знаком политической философии. Я считаю, что даже самые причудливые изгибы и извилины современных прочтений Шмитта формируют то, что можно назвать *sensus schmittianus*. Это еще раз говорит о структуре понимания, как ее описывает философская герменевтика: «предрассудки» (*Vorurteil*) современного *шмиттианства* (я ввожу этот термин на свой страх и риск) способствуют пониманию Шмитта, и наоборот, понимание узловых моментов его мысли, позволяет лучше понять узловые моменты современного шмиттианства и распознать положение, в котором находимся мы сами *hic et nunc*. Всеобъемлющую рецепцию трудов К. Шмитта нельзя объяснить одной лишь потребностью специалистов в теоретико-историческом материале для размышлений. Вполне успешный интеллектуальный трансферт между правыми и левыми указывает не только на канонизацию

¹¹ Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 259–314.

¹² Филиппов А.Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 5–100; Филиппов А.Ф. Техника диктатуры: К логике политической социологии // Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. С. 277–322.

¹³ См. также: Филиппов А.Ф. Ожиревший Левиафан. Читают ли в Кремле Карла Шмитта? // Русский журнал, май 2008, №1. С. 50–57.

¹⁴ Гадамер называл свой проект «практической философией».

классика, но и на преднамеренное и стратегическое внесение его трудов в определенный социо-культурный контекст.

Стоит еще раз напомнить о том, что немецкий мыслитель, во-первых, любил подчеркивать связь своих теорий с конкретно-историческими ситуациями¹⁵, а во-вторых, оказавшись после войны в академической изоляции, сам старался влиять на интерпретацию своих идей через учеников, способствуя росту «шмиттианской герменевтики». В конце концов, даже сейчас ничто не мешает рассматривать Шмитта как «диагноста современного кризиса в мировой политике»¹⁶ – правда, не потому, что он после войны «отбросил свои консервативные иллюзии», а потому что именно как консерватор лучше других понял судьбоносные сдвиги в международном праве, происшедшие между двумя мировыми войнами.

Без сомнения, Шмитт помогает лучше понять специфические проблемы современности, хотя получается так, что выводы, которые делают его интерпретаторы, зачастую противоречат интенциям самого автора. Еще один герменевтический парадокс понимания состоит в том, чтение Шмитта позволяет левым лучше понять самих себя, в то время как современные правые заново открывают для себя Шмитта во многом благодаря «угрозе» со стороны его актуализации левыми. Стало быть, в борьбе за Карла Шмитта происходит современное самоопределение левых и правых.

3.

Чтобы понять особенности рецепции идей К. Шмитта, необходимо в общих чертах обрисовать характер его наследия. В нем заметен контраст между сочинениями, написанными до и после прихода к власти национал-социалистов. Точнее время внутреннего *поворота* (который по своему переживают и Э. Юнгер, и М. Хайдеггер) можно датировать 1934–1936 гг. Первый период творчества стоит под знаком «децизионизма» (от лат. *decisio*, решение), а центральное место в нем занимает «Учение о конституции» (и проясняющие ее «Политическая теология» и «Понятие политического»), где конституция рассматривается не просто как договор, а как «всеобщее решение о виде и форме политического единства народа». В рамках децизионистской модели политики – в противоположность «нормативизму» неокантианца Х. Кельзена – правовая форма связывается с решением, исходящим от суверена. «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном

¹⁵ Ср.: *Schmitt C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar-Genf-Versailles 1923-1939. Hamburg, 1940. S. 8.*

¹⁶ Ср.: *Магун А.В. Новый строй Земли. Карл Шмитт как диагност современного кризиса в мировой политике // Полис 2003, № 2. С. 112–123.*

положении (Ausnahmезustand)»¹⁷. Иначе говоря, суверен стоит вне закона, hors-la-loi, поскольку его действия в случае серьезной внутренней или внешней угрозы (Ernstfall) не могут быть ограничены законами, более того, делают впервые возможным нормальное функционирование правопорядка.

Второй период проходит под знаком «конкретного мышления о порядке», намеченного в работе «О трех видах правового мышления» (1934), где понятие институционального правового мышления заменено на порядок и форму конкретного мышления. Во второй половине 30-х – начале 40-х гг. внимание Шмитта все больше концентрируется на проблемах международного права, а основной вопрос, который им движет, звучит так: если эра национального государства подошла к концу, то какая конфигурация придет ему на смену? Вместе с тем весь его *oeuvre* отличается некой целостностью, а понятие политического образует основу его государственно-правовой мысли¹⁸. Более того, именно оно делает Шмитта чрезвычайно актуальным мыслителем в глазах современных политических теоретиков.

В «Понятии политического» Шмитт определил различие между другом и врагом как собственно *политическое* различие, к которому в конечном счете восходят все политические действия и мотивы человека¹⁹. Впрочем, следует заметить, что характеристика политического менялась от одного издания к другому. Если в первом издании (1927) политическое (*das Politische*) является одной из предметных областей наряду с экономикой, эстетикой и моралью, то начиная со второго издания (1932) различие друга и врага осмысляется как предельная интенсивность конфликта. Относительная автономия политического превращается в примат политического, политика понимается как сама судьба, пронизывающая все сферы жизни и «экзистенциально захватывающая всего человека»²⁰. Со способностью к различению друга и врага (Freund/Feind, amicus/hostis) начинается политическое, и наоборот, с ее утратой политическое заканчивается. Понятию врага в равной мере присущ как политический, так и экзистенциальный смысл²¹.

Враг – это не частный противник (*privater Gegner*), а борющаяся за свое существование общность людей, которой противостоит другая такая же общность. Врагом поэтому может быть только публичный враг (*öffentlicher Feind*). Государство Шмитт понимает как

¹⁷ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 15

¹⁸ Ср.: Böckenförde E.-W. Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts. Complexio Oppositorum. Über Carl Schmitt. Hg. H. Quaritsch. Berlin, 1988.

¹⁹ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. 3. Aufl. Hanseatische Verlagsanstalt: Hamburg, 1933. S.7. (Рус. пер.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. Т.1. №1, 1992.)

²⁰ Ibid. S. 21.

²¹ Ср. показательную запись в послевоенном дневнике (4.3.51): «Что же остается? Остается друг и враг. Остается различие. Distinguo ergo sum» (Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951. Hrsg. von Eberhard Freiherr von Medem. Berlin, 1991. S. 314).

такое образование, куда входят различные группировки, обладающие волей к решению; любое решение вытекает из необходимости «бытийного утверждения особой формы существования». Война, предполагающая «внешнего врага», не есть цель или содержание политики, однако всегда присутствует как «реальная возможность». Условием же политического единства (гомогенности) в мирной ситуации является способность той или иной группы определить и исключить «внутреннего врага».

Основным оппонентом Шмитта является либерализм, который характеризуется неспособностью к принятию решений²². Принцип разделения властей разрушает единство государства (ср. критику разделения властей у Руссо), лишая его возможности суверенно определять экзистенциального врага. В политике нужно быть готовым к чрезвычайной ситуации, когда дипломатические переговоры прекращаются, и две партии противостоят друг другу в бескомпромиссной и непримиримой борьбе. Политический враг не может быть союзником или другом в экономической, социальной, культурной или иных сферах; тем самым исключается само понятие нейтралитета. В либеральной же системе взглядов нейтралитет по отношению к существующему положению вещей предполагает молчаливое с ним согласие.

Полемизируя с плюралистической школой и, в частности, с британским политическим теоретиком Х. Ласки, Шмитт подчеркивает, что государство есть не просто произвольная «ассоциация» («governmental association»), а политическое единство, и как таковое оно тотально и суверенно. Политическое единство предполагает реальную возможность и другое сосуществующее политическое единство. «Поэтому на Земле, пока вообще существует государство, есть *много государств* и не может быть обнимающего всю Землю и все человечество мирового „государства“. Политический мир – это не универсум, а плюриверсум»²³.

Как уже было сказано, «Понятие политического» было консервативно-революционным ответом на Веймар и Версаль. Шмитт понимал, что в эпоху «нейтрализаций и деполитизаций» понятия «гуманности», «права» или «мира» оказываются предлогом для политических действий, за которым кроется господство одних групп людей над другими. Однако и после Второй мировой войны он продолжал видеть главную опасность для мирового устройства в политической унификации, а также в том, что место «политического» занимает «моральное» – концепция, которая «дискриминирует» и демонизирует врага, выступая от имени «человечности». Отрицание конкретной вражды открывает путь

²² Ср. известное высказывание Шмитта: «Нет просто либеральной политики, есть либеральная критика политики».

²³ Schmitt C. Der Begriff des Politischen. S. 35–36.

для вражды абсолютной, ибо как раз во имя человечества ведутся самые бесчеловечные войны.

Главная книга позднего Шмитта – «Номос Земли» (1950)²⁴, продолжающая развивать теорию Grobraum'a – пронизана размышлениями о конце Вестфальской системы международных отношений и содержит предостережения об опасности глобальной унификации. Шмитт выступает как «последний сознательный представитель» *jus publicum Europaeum* (права континентальных европейских народов), которое предполагало войны ограниченного масштаба между суверенными государствами и сражения регулярных армий по типу дуэли. Англо-американский империализм, прикрываясь новой универсалистской фразеологией, разрушил классическое международное право, которое исходило из четкого разделения «земли» и «моря», стер линии демаркации и ввел дискриминирующее понятие врага, основанное на понятии «справедливой войны». Европоцентричный номос (связь места, закона и порядка) позволял сохранять мир между сильными государствами и минимизировать жестокость в межгосударственных отношениях. Распад же *jus publicum Europaeum* и асимметричный мировой порядок с его попытками уничтожить войну во всем мире чреват «всемирной гражданской войной». Шмитт считал, что утрата порядка, основанного на национальном государстве, без четкой организации больших пространств может привести только к «размытым пространствам» и «псевдо-фронтам», когда Америка будет стремиться играть роль «настоящей Европы» и «хранительницы закона и свободы». Как заметил Шмитт в своем дневнике еще в 1947 г., традиционное государство имело суверенное право принять решение о завершении гражданской войны, глобальное же господство означает противоположное: «соединение войны по принципам международного права и гражданской войны»²⁵. В новом мировом порядке чрезвычайное положение становится перманентным и приобретает международный масштаб. Нарушается связь между порядком и местом (*Ordnung und Ortung*), единственный гарант смысла в мировой политике; номос замещается нигилизмом. Речь поэтому может идти только о «плюриверсуме» больших пространств, который был бы связан с сохранением понятия врага, не предполагающего его уничтожения. Шмитт полагал, что даже если США когда-нибудь удастся учредить мировой порядок, порядок без плюрализма будет означать конец политического. «Номос Земли», вкуче с новым изданием «Понятия политического» (1963) и «Теорией партизана» (1964), с одной стороны, говорит о серьезной ревизии ранних взглядов, а с другой – о том, что даже в этой самоинтерпретации Шмитт продолжал твердо держаться политического как критерия демаркации. Так, в теории «Теории партизана», которая но-

²⁴ Schmitt C. Der Nomos der Erde. 4. Aufl. Berlin, 1997.

²⁵ Schmitt C. Glossarium. Berlin, 1993. S. 3.

сит подзаголовок «Промежуточное замечание к понятию политического», он пророчески замечает: «В мире, где партнеры взаимно врываются в бездну тотального обесценения, перед тем как они физически уничтожат друг друга, должны возникнуть новые разновидности абсолютной вражды. Вражда станет настолько страшной, что, вероятно, нельзя будет больше говорить о враге или вражде, и обе эти вещи даже с соблюдением всех правил прежде будут запрещены и прокляты до того, как сможет начаться дело уничтожения. Уничтожение будет тогда совершенно абстрактным и абсолютным. Оно более вообще не направлено против врага, но служит только так называемому объективному осуществлению высших ценностей, для которых, как известно никакая цена не является слишком высокой. Лишь отрицание настоящей вражды открывает свободный путь для абсолютной вражды, которая займется делом уничтожения»²⁶.

4.

«Causus Schmitt» красноречиво говорит о специфическом развитии интеллектуальной жизни в Германии после Второй мировой войны. Идеал сильного, рационального государства, стоящего над обществом и обладающего иммунитетом от разноречивых социальных интересов, являлся эталонным не только для консерваторов, но и для многих либералов в послевоенный период существования Европы. С одной стороны, Шмитт пытался усилить государство в эпоху массовой политики, а с другой, последовательно искал субстанциальные, легитимированные формы политического сообщества по ту сторону государства. Поэтому все, кто стремился смягчить и модернизировать германский взгляд на государство в условиях массовой демократии и индустриального общества, так или иначе был вынужден вступать в дискуссию с главным оппонентом либерализма.

Поразительный на первый взгляд интерес к Шмитту среди новых левых – не только в Германии, но и в Италии, где в 70-е гг. развернулось целое движение «шмиттомарксистов» (*marxisti schmittiani*) – объясняется тем, что из разрыва с либерализмом так или иначе следовал антипарламентаризм, сопровождающийся призывом к внепарламентской оппозиции. И это неудивительно, если учесть, что различие между либерализмом и демократией – это изначально марксистское различие. Вышло так, что Шмитт лучше понимал марксистов, чем те понимали себя сами²⁷.

²⁶ Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. С. 143.

²⁷ Однажды Шмитт назвал себя марксистом постольку, поскольку продумал марксистские понятия до их логического конца и не-марксистом постольку, поскольку в экономическом излишке всегда видел чисто политический излишек.

Понятие политического приобрело актуальность в ситуации поляризованности общества: конец послевоенного консенсуса среди социал-демократов совпал с желанием новых левых реполитизировать и революционизировать самодовольное буржуазное общество. Импонировал левым и децизионистский пафос раннего Шмитта. Когда 2 июня 1967 года офицер западноберлинской полиции выстрелом в спину убил студента Бенно Онезорга, стало окончательно ясно, какая пропасть разделяет правящий класс и «обеспокоенное студенчество» Германии. На одном из стихийных митингов памяти Онезорга активистка, а впоследствии одна из участников Фракции Красной Армии (RAF), Гудрун Энслин заявила: «Это – фашистское государство, готовое убить нас всех. Это – поколение, создавшее Освенцим, с ним бессмысленно дискутировать!».

С демонстрантами на улицах Франкфурта и Западного Берлина Шмитта объединяло то, что он был в равной мере оппонентом «либерально-демократического истеблишмента» и аутсайдером. Однако, несмотря на все свое отчаянное желание Шмитта реанимировать политическое (отношение друг-враг) против технократического универсализма США и СССР, он, конечно, едва ли мог симпатизировать студентам-радикалам, грозившим подорвать сами устои государства, которое должно было по природе своей гарантировать стабильность и безопасность. Такая поляризация приводила к тому, что государство в свою очередь могло воспользоваться идеей Шмитта о чрезвычайном положении. И действительно, часть студентов была объявлена террористами. Парадоксальным образом Шмитт присутствовал своей мыслью по обе стороны баррикад. В нем можно было видеть фашистское лицо капитализма и в то же время прославлять как того, кто срывает маску с лица либерального парламентаризма.

В некрологе на смерть К. Шмитта либеральный историк Курт Зонтхаймер написал: «Кого волнует судьба либеральной демократии, тому Шмитт ни к чему»²⁸. Юрген Хабермас, негодуя по поводу широкой рецепции Шмитта в англоязычном мире, заявил, что самой грубой его ошибкой (которую повторили новые левые) было разделение либерализма и демократии. Но уже во второй половине 1980-х гг. начинается причудливый ренессанс К. Шмитта, который продолжается до сих пор и свидетельствует о кризисе в современной либеральной теории.

Конец 80-х – 90-х гг. казался временем торжества неолиберальных идей. Процессы глобализации, распад биполярной блоковой системы, снижение накала в противостоянии правых и левых в силу изменения социальной структуры общества привели к торжеству концепций «конца истории» Ф. Фукуямы, «делиберативной демократии» Дж. Ролза, Ю. Хабермаса и С. Бенхабиб, «рефлексивной модернизации» Э. Гидденса и У. Бека. В запад-

²⁸ *Sontheimer K. Der Macht näher als dem Recht: Zum Tode Carl Schmitts // Die Zeit, 19 April 1985.*

ной социально-политической мысли общим местом стало представление, будто достигнутый на данный момент уровень экономико-политического развития – большой прогресс в эволюции гуманизма. Освобожденные от коллективных уз индивиды теперь могут заниматься культивированием разнообразных стилей жизни, не оглядываясь на устаревшие групповые образцы. «Свободный мир» восторжествовал над коммунизмом, и ослабление коллективных идентичностей делает возможным мир «без врагов». Партийные конфликты ушли в прошлое, и теперь консенсус достижим посредством диалога. Благодаря глобализации и универсализации либеральной демократии уже не за горами космополитическое будущее, несущее мир, достаток и торжество прав человека во всем мире.

Если целью политической теории объявляется консенсус и компромисс, то речь уже не может идти ни о противостоянии правых и левых, ни о серьезном общественном антагонизме. Идеология «третьего пути» и политика консенсуса (*consensual politics*) по сути означают радикальную *деполитизацию, устранение политического*. Иными словами, в политику вводится моральное измерение, а рациональный консенсус относительно базовых моральных ценностей считается универсальным способом решения проблем глобального общества. В такой «пост-политике» конфликт глобальных идеологических проектов, представленный борющимися за власть партиями, замещен сотрудничеством просвещенных технократов (экономистов, специалистов по связям с общественностью и т.д.) и либеральными мультикультуралистами, занятыми поиском более или менее универсального консенсуса.

Диагноз общества, который поставили концепции «рефлексивной модернизации» и «делиберативной демократии»²⁹, казался несомненным большинству граждан демократических стран в 1990-е годы. Но после терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, 11 марта 2004 года в Мадриде и 7 июля 2005 года в Лондоне в политической мысли произошли заметные изменения; свою роль сыграло и политическое убийство нидерландского режиссера Тео ван Гога радикальным исламистом 2 ноября 2004 года. Они выявили глубинные противоречия в обществе, стали сигналом о возвращении противостояния, которое нельзя просто урегулировать посредством дискуссии и поиска компромисса. Глобальная война с терроризмом, попытки установить мир посредством «глобальной демократической революции», провозглашенной Дж.В.Бушем 6 ноября 2003 года³⁰, наконец, нередуцируемость социального антагонизма сделали очевидной и недостаточность либеральных теоретических схем.

²⁹ См.: Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernisation: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Cambridge: Polity Press, 1994; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001.

³⁰ <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>

Политике *sub specie consensus*³¹ все чаще стало противопоставляться политическое *sensu schmittiano*³². Современных интерпретаторов Шмитта, как правило, не интересует вопрос об исторической реконструкции контекста его идей, их эволюции. Но они умело пользуются ими как острым теоретическим мечом, разрубающим гордые узлы пост-политических тенденций современного мира.

5.

Восприятие идей Шмитта в последние два десятилетия – это сложная история недоразумений, взаимоприятий и взаимоотталкиваний между правыми и левыми интеллектуалами.

В основу движений «новых правых», появившихся в Европе в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в ответ на вызов «новых левых» и кризис старого буржуазно-стабилизационного консерватизма, – легла важная для Шмитта идея комбинации целостности и порядка (*ab integro nascitur ordo*). «Новые правые» – от французской Nouvelle Droite до немецкой Neue Rechte и итальянской Lega Nord – прямо связывают Шмитта с «консервативной революцией», объявляя его своим духовным наставником: Джанфранко Мильо в Италии, Аллен де Бенуа во Франции, Армин Молер (ум. в 2003 г.) и авторы периодических изданий «Критикон», «Этаппе» и «Юнге Фрайхайт» в Германии³³. Основные точки соприкосновения между К. Шмиттом и «новыми правыми» таковы:

- a) понимание политического как различия «друг–враг»;
- b) однополярная модель мира vs плюриверсум национальных культур;
- c) гомогенность и исключение гетерогенного;
- d) антилиберализм и авторитарный этатизм.

Если фашистские движения первой половины XX в. стремились за счет сильного государства добиться национального возрождения, то новые правые выбирают «метapolитический путь» сохранения культурного своеобразия отдельных обществ и уникальной европейской идентичности. Отсюда – интернационализация и европеизация правой мысли. Ее идеологи проповедуют «целостную Европу» (элементы коммунитаризма, локализма,

³¹ С точки зрения консенсуса (*лат.*)

³² В духе Шмитта (*лат.*)

³³ После закрытия проекта «Критикон» газету «Юнге Фрайхайт» можно по праву называть рупором «новых правых». При этом не будет большим преувеличением сказать о том, что К. Шмитт выступает как своего рода духовный покровитель этого издания: между 1997 и 2004 г. его имя встречается на страницах газеты более чем в 300 местах (см.: *Karsten Dustin Hoffmann. Carl Schmitt in der Wochenzeitung «Junge Freiheit»*. GRIN Verlag, 2004), и количество посвященных ему материалов только увеличивается.

федерализма), исходят из веры в гомогенные, описываемые в этнических терминах культуры.

С самого начала «новыми правыми» двигал страх перед исчезновением Европы в борьбе между сверхдержавами, опасение, что она потеряет способность различать между настоящими врагами и друзьями, утратит автономную политическую роль. Не изменилась ситуация и после крушения биполярной системы блоков, в условиях кризиса международного права. Европейская культурная идентичность снова оказалась под угрозой, исходящей со стороны американской модели однополярного мира.

Использование современными левыми теоретиками идей Шмитта для переосмысления современного общества с точки зрения «социального антагонизма» (см. ниже), а также американская *hard power politics* и глобальная «война с терроризмом» вызвали волну новых публикаций о Шмитте в стане «новых правых». Их современных протагонистов Г. Машке и А. де Бенуа можно с полным правом назвать «антиглобалистами справа»: XXI век требует всеобщего переустройства международных отношений в рамках простой альтернативы: монополярность или многополярность, «универсум» или «плюриверсум».

Гюнтер Машке, «единственный настоящий ренегат 1968 года» (выражение Ю. Хамбермаса), последний ученик К. Шмитта и издатель его сочинений, критикует космополитические проекты «всемирного государства» таких либеральных теоретиков, как О. Хёффе или Д. Хелда. «Демократия» означает лишь власть одного демоса, одного народа и не может распространяться ни на весь «мир», ни на все «человечество». Та «демократия», которая представляет ценность для Запада, оборачивается для того же Запада очень неприятными последствиями, если проводится, например, в исламских странах (победа Исламского фронта спасения на выборах в Алжире в 1991 г. или выборы в Иране в 2005 г.). Американскому стремлению к однополярному миру противостоят очевидные попытки создания больших пространств, например, в Латинской Америке. Машке считает, что доминированию США в экономическом, производственном и военном секторе приходит конец. Мир во всем мире наступил бы скорее, если бы США положили конец своим попыткам взять под контроль арабский мир, проникнуть в «сердце» евразийского пространства и окружить Россию. В качестве перспективы для будущего не следует рассматривать ни «всемирное государство», ни «субсидиарную всемирную федерацию». Если «единство мира» будет достигнуто в какой-либо форме, единственным ее результатом будет превращение войн, «вооруженных конфликтов» в войну гражданскую.

Растущие экономические сети еще не гарантируют мира, ведь экономическая интеграция Европы около 1914 г. была еще более мощной. Из растущей экономической и юридической интеграции не вытекает политического порядка. При ослаблении легитимности

государства экономическая интеграция и растущая взаимозависимость действуют дестабилизирующе, провоцируют военные конфликты. Можно утверждать, что существующее международное право – это болезненное порождение Французской революции и английских «морских понятий»: империализм прав человека и страсть к перевоспитанию с одной стороны и пан-интервенционизм в сочетании с пропагандой ненависти, удушением экономики врага и размыванием границ между войной и миром с другой. Основной тезис Машке заключается в том, что международно-правовая революция 1919 г. продолжается до сих пор. Как и Шмитт, он не высоко оценивает шансы на возвращение к классической эпохе «оберегаемых» войн, разворачивавшихся между независимыми государствами, но в то же время полагает, что вооруженный пацифизм, ведущий войну против самого принципа войны, не способен гарантировать мир – подтверждением этому служит все увеличивающееся число «гуманитарных интервенций». Как настоящий шмиттианец, Машке верит, что мир можно заключить лишь с признанным противником, а значит, достижение мира возможно лишь в условиях реального плюриверсума, множества самостоятельных политических миров³⁴.

Spiritus rector «новых правых» и чрезвычайно плодотворный философ и публицист А. де Бенуа известен, прежде всего, как основатель ассоциации GRECE (*Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne*, «Исследовательское и учебное объединение за европейскую цивилизацию») и редактор журналов «Нувель Эколь», «Элементы» и «Кризис». Для обозначения своих взглядов де Бенуа использует понятие «номинализма», которое выражает анти-универсалистское видение мира³⁵. Его критика нацелена против культурной колонизации, проводимой США, против разрушения культурных идентичностей, рыночной модели как парадигма для всех социальных процессов, торжество утилитаризма и индивидуализма. Запад в глазах де Бенуа все больше и больше перестает быть цивилизационным понятием, становясь чисто экономическим индикатором. Стремясь избежать альтернативы «Джихад или McWorld», он требует мультиполяризации международных отношений – понятие «восстания культур» противопоставляется им гипотезе С. Хантингтона о «столкновении культур». С точки зрения де Бенуа, все политические конфликты допускают интерпретацию в культурных и этнических терминах. Культура должна заменить собою класс как отличительный признак в становящемся все более гомогенным европейском обществе, когда европейцы стоят перед необходимостью защищать

³⁴ См.: *Maschke G.* Das bewaffnete Wort: Aufsätze aus den Jahren 1973–1993. Wien: Karolinger Verlag, 1997; *Idem.* Vorwort // Schmitt C. Frieden oder Pazifismus? Berlin, 2005; *Idem.* «Die Lüge vom ewigen Krieg für ewigen Frieden». Interview // Junge Freiheit, Berlin, Nr. 38/05. 16. September 2005.

³⁵ О политической философии де Бенуа и его ранней книге «Взгляд справа» (1977) см.: *Tguyeff Pierre-André.* From Race to Culture: The New Right's Vision of European Identity // *Telos.* Nos. 98-9 (1994). P. 99–125; *Ремизов М.* Консервативная мысль в поисках «арены истории» // *Логос* 6 (45). 2004. С. 154–167.

свою культурное своеобразие от не-европейских чужаков как внутри, так и снаружи. Такой «этнический плюрализм» ставит акцент на сохранении партикулярностей в противоположность агрессивному эгалитаризму и универсализму, следствием которого является бесконтрольное смешение людей и уничтожение традиционных различий. С одной стороны, он отсылает к консерватизму, с другой, выдает сильную связь с различными версиями постмодернизма. Вообще, пример А. де Бенуа красноречиво говорит о том, что несмотря на свой отчасти языческий и транснационально-националистический характер, идеологи «новых правых» присягают на верность К. Шмитту, разделяя с ним надежду на обновление европейских элит и вступление Европы в мировую политику³⁶.

6.

«Глобализация Шмитта» в современной политической мысли восходит к 1980 гг. и парадоксальным образом связана с левыми кругами в США (журнал «Телос»)³⁷. Повышенное внимание к Шмитту и европейским «новым правым» в сочетании с интересом к идеям А. Грамши, отражало политические предпочтения журнала: федерация органических общностей (наций, национальных культур) vs либеральная технократия. Журналу удалось навести мосты между интеллектуальными дебатами в Западной Европе и США. В 1980–90-е гг. тексты Шмитта вошли в списки литературы по философии и политологии многих американских колледжей и университетов, а центром академического шмиттианства стал Чикагский университет, что косвенно связано с влиянием Л. Штрауса, одного из «духовных отцов» неоконсерваторов.

В 1990-е гг. левые не только констатировали глубокий кризис либеральной демократии, но и оказались перед необходимостью пересмотра (в данном случае постмарксистской) теории, что позволило бы *включить шмиттианские элементы в постмарксистскую критику марксизма*. В теоретическом плане «постмарксисты» изначально отталкивались, с одной стороны, от неомарксизма, а с другой – от постструктуралистской мысли. Но с начала 90-х гг. они все чаще обращаются к Шмитту, поэтому их идеологический поворот можно назвать движением «от Карла к Карлу».

Вместе с тем, современные левые довольно далеки от революционного радикализма, поскольку не считают, что либерализм и демократия противоположны друг другу. Шмитт

³⁶ См.: *Benoist Alain de*. Aufstand der Kulturen. Berlin: Verlag Junge Freiheit, 2003. *Idem*. Die Welt nach dem 11. September. Tübingen: Hohenrain-Verlag, 2003. *Idem*. Carl Schmitt actuel. Paris: Éditions Krisis, 2007.

³⁷ Этот философский журнал был основан в 1968 г. с целью познакомить американских читателей с критической теорией из Европы, но постепенно эволюционировал в сторону коммунитаризма и на этой волне начал кампанию по актуализации наследия К. Шмитта. Ср. последний выпуск: *Telos*, Spring 2008, issue 142: Culture and Politics in Carl Schmitt (<http://journal.telospress.com/current.dtl>)

для них – что-то вроде очистительного огня: либерализм должен пройти сквозь него, чтобы стать подлинным «политическим либерализмом», основанным на «агонистической (соревновательной) модели демократии» и «конфликтном консенсусе»³⁸. Для постмарксистской мысли вообще характерны оксюмороны, а потому не будет большим прегрешением против истины называть ее протагонистов левыми шмиттианцами.

Я выделяю несколько основных тем левого шмиттианства:

- a) Признание противоположности «друга-врага» как исходной точки политики;
- b) критика «делиберативной демократии» и моральной модели политики. Признание невозможности рационального консенсуса без исключения, проведения границы между «Нами» и «Ними»;
- c) Критика экономической модели политики как сохранения «нормального состояния» глобализации.
- d) Проблема «асимметричных войн»; анализ войны с терроризмом как новым «врагом», не имеющим конкретного лица, т.е. не представленного государством-субъектом.
- e) Ложно понятый «универсализм» (глобальный мультикультурализм) vs политический плюриверсум.

К современным левым шмиттианцам я отношу таких политических философов, как Дж.Агамбен, А.Негри и С.Жижек. Однако наиболее систематично противоположность политики *sub specie consensus* и понятия политического *sensu schmittiano* представлено, на мой взгляд, в работах Шанталь Муфф³⁹. Ш.Муфф относится к движению «новейших левых», которое формируется в конце 70-х гг. как реакция на неудачи «реального социализма», изменения в социальной структуре при переходе от индустриальному к постиндустриальному обществу, наконец, на сокращение пространства для выражения политической воли и превращение политики в администрирование (процесс «нейтрализаций и деполитизаций» в смысле Шмитта). «Постмарксисты» прощаются с классовым подходом и говорят о социальном антагонизме. Антагонизм связывается не с капиталистическими производственными отношениями, а с гетерогенностью общественных отношений и «конфликтным плюрализмом». В перевернутой модели «базис–надстройка» на первый план выходят не экономические, а политические вопросы: политическая борьба должна

³⁸ Mouffe Ch.. Introduction // The Challenge of Carl Schmitt, ed. by Chantal Mouffe. Verso, 1999. P. 5.

³⁹ Ш. Муфф (р. 1943, Шарлеруа, Бельгия) — профессор политической теории факультета политических наук Университета Вестминстера (Великобритания). Автор книг: *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics* (1985; в соавторстве с Э. Лакло); *The Return of the Political* (1993); *The Democratic Paradox* (2000). В 1999 г. в левом издательстве «Verso» (Лондон–Нью-Йорк) под ее редакцией вышел сборник «Вызов Карла Шмитта» (*The Challenge of Carl Schmitt*, ed. by Ch. Mouffe. Verso, 1999) со статьями П. Херста, С. Жижека, Ж.-Ф. Кервежана.

мыслиться как борьба широкого демократического союза народа против государства, безотносительно к экономическим интересам входящих в него слоев.

В книге «О политическом» Ш.Муфф обрушивает свою критику на концепции «рефлексивной модернизации», которые вслед за С.Жижекком охотно называет «пост-политическим *Zeitgeist*'ом»⁴⁰. Согласно Муфф, такая постмодернистская пост-политика есть особо изощренная форма отрицания политического. Основной ее тезис в том, что никакого исчезновения политического вовсе не происходит. Наоборот, имеет место развертывание политического в моральном регистре. Иными словами, политическое по-прежнему определяется различием (*discrimination*) Мы–Они, но вместо того, чтобы быть выраженным в политических категориях, Мы–Они трактуется в терминах морали. Вместо борьбы между «правым и левым» мы получаем борьбу между «правым и неправым».

Если теоретики вроде Ю.Хабермаса и Дж.Ролза считают, что политическое – это пространство свободы и публичной дискуссии, то Муфф рассматривает его прежде всего как сферу власти, конфликта и антагонизма. «Политическое» предполагает конституирующее общество измерение антагонизма (*dimension of antagonism*). Установление рационального консенсуса невозможно без исключения, поскольку отношения включения/исключения неизбежно вписаны в демократическую логику, конституируют любой народ.

Попытка сделать консенсус целью политической теории и практики в ее глазах – роковая деполитизация. Ш.Муфф не верит в пацифизм, как и в то, что фундаментальные противоположности можно устранить в ходе упорядоченной дискуссии, подключая внепарламентские элементы. Теории «рефлексивной модернизации» и «делиберативной демократии» содержат ложный диагноз общества. В нем Муфф усматривает важную причину одной из опаснейших иллюзий, будто общество слагается из отдельных индивидов, с которыми необходимо иметь дело как с индивидами. В отличие от тех, кто считает, будто политику можно редуцировать к индивидуальным мотивациям, «новые популисты» очень хорошо знают, что политика – это создание коллективных идентичностей, создание «Нас», отличных от «Них». Отсюда – притягательная сила их рассуждений, предлагающих коллективные формы идентификации с «народом».

Политика, не показывающая людям противника, – это не политика, а администрирование. Пост-политическое подвешивание политического сводит государство к простому агенту полиции на службе у рынка и мультикультурно-толерантного гуманизма. Если из

⁴⁰ *Mouffe Ch.*. On the Political. Routledge, 2005; S. Žižek. Carl Schmitt in the Age of Post-Politics // The Challenge of Carl Schmitt. P. 18–37. См. также: *Mouffe Ch.*. Carl Schmitt and the Paradox of Liberal Democracy // The Challenge of Carl Schmitt. P. 38–53. Рус. пер.: *Муфф Ш.* Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии // Логос 6 (45) 2004. С. 140–153.

пост-политического универсума плюралистического обсуждения и регулирования всего посредством консенсуса исключается политическое *sensu schmittiano*, это чревато радикализацией политики в открытой войне «Нас» против «Них», которая присутствует в различных видах фундаментализма.

Муфф также интересуется будущее Европы в свете интервенционистской политики США. Она отвергает как этноцентричные проекты «новых правых», так и космополитический проект Хабермаса. Истинно политическая Европа (*political Europe*) может существовать только как часть многополярного мира, где неолиберальная модель глобализации не будет единственно истинной. Отказ некоторых обществ принять западную модель, не дает оснований клеймить их как «врагов» цивилизации.

7.

Конечно, левые отдают себе отчет в некоторой насильственности такого прочтения Шмитта, которого интересовало, прежде всего, политическое единство, а не демократическое участие. Кроме того, в отличие от Шмитта, они настаивают на безусловном примате внутреннего антагонизма как конституирующего элемента политического⁴¹. Основная задача, которую решают левые критики либерализма, – как избежать лобового столкновения между врагами («антагонизм»), перевести его в форму агонизма, соперничества между противниками (*adversaries*); в то время как для Шмитта враг – это не «антагонист», более того, у врагов не может быть никакого общего основания.

«Новые правые» – по сути постмодернисты с правым оттенком – также серьезно пересматривают понятие политического. Их неоязыческий национализм весьма отличается от консерватизма католика Шмитта, поскольку направлен не только против универсализма, но и против любого конструирования иерархий. Если старые правые искали социальной интеграции и стабильности, то новые правые одержимы идеями культурной целостности, с одной стороны, и плюрализма культур и народов, с другой. С «новейшими левыми» их объединяет критика универсализма прав человека, неприятие мультикультурализма и отстаивание права на различие.

Отсылка к идеям К. Шмитта у левых и правых политических теоретиков, с одной стороны, напоминает об опасности триумфа либерализма и оказывается ключевым моментом в обнаружении тупиков, в которые заводят пост-политические тенденции, а с другой, свидетельствует о том, что различия между левым и правым приобрели иной характер, но не исчезли. Вместе с Горацием можно сказать: «*Naturam expelles furca, tamen usque recurret*».

⁴¹ См.: Муфф Ш. Карл Шмитт и парадокс либеральной демократии. С. 144.

Изгнанное в дверь политическое возвращается обратно через окно. Понятие политическое выступает в качестве общей «идейной» платформы для самых разных дериватов современного шмиттианства. И дело заключается не только в том, что *антилиберальные крайности сходятся*. Борьба за Шмитта – самого молодого классика политической мысли – отражает сложный и противоречивый характер социально-политической ситуации современности. Как правые, так и левые шмиттианцы преследуют разные цели: если первых отличает яростный антиамериканизм и борьба за европейскую культурную идентичность, то левые нацелены на спасение демократического плюрализма и сохранение реального антагонизма в обществе. Однако всех шмиттианцев объединяет одно – отстаивание идеи плюриверсума и противостояние общему врагу, *новому глобальному империализму*.

Теоретическое наследие Шмитта обладает явным поляризующим эффектом. «Различение друга и врага», этот критерий политического, как нельзя лучше применимо к рецепции его собственных трудов. В феврале 1920 г., за несколько недель до смерти, Макс Вебер после беседы с Освальдом Шпенглером сказал своим студентам, что честность ученого измеряется тем, каково его отношение к Ницше и Марксу. Перефразируя эти слова, можно сказать, что честность современного политического мыслителя измеряется тем, каково его отношение к Карлу Шмитту.